

Referințe bibliografice:

1. ROBINSON, Ken. *O lume ieșită din minți. Revoluția creativă a educației*. Traducere din limba engleză de Doina-Mihaela BRAGARU. București: Editura Publica, 2011. 376 p. ISBN 978-973-1931-73-9.
2. ROBINSON, Ken. *Out of Our Minds: Learning to be Creative*. Mankato, MN: Capstone, 2011. 352 p. ISBN 978-1907312472.

«Я В ТАЙНУ МАСКИ, КАЖЕТСЯ, ПРОНИК»: МАСКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX-XX ВВ.

Маргарита ЩЕЛЧКОВА,
директор Библиотеки им. «М. Ломоносова»

По определению Википедии, «маска или личина – предмет, накладка на лицо, который надевается или для сокрытия личности, или для защиты лица». Сама жизнь определила необходимость появления этого полезнейшего изобретения человечества. Последующее многообразие его значений, разновидностей, использования в самых различных областях и профессиях поразительно. «Маска – важный, неотъемлемый элемент культуры всех известных науке обществ и традиций. Изучение масок представляет интерес для сравнительного анализа разных ареалов мировой культуры в их взаимосвязи» – таков вывод известного лингвиста, академика, философа Вячеслава Иванова.

Если рассмотреть причины возникновения масочной культуры в целом, то очевидны несколько условий ее появления. Во-первых, маска используется в случае, если необходимо скрыть собственное лицо, так как в окружающем обществе не принято самостоятельно рассуждать, иметь собственное мнение. Одним словом, это маска подражания или лицемерия. Другой тип маски, близкий первой – защитная маска, которая помогает избежать ударов, нанесенных, опять-таки, окружающим обществом. Для защиты своих идей личность маскирует себя и свое мировоззрение от чужих, незнакомых, хотя близкие узнают ее и при наличии маски. Кроме этого, маска помогает одиноким людям скрыть свою беззащитность. В произведениях художественной литературы масочная культура присутствует во всем многообразии:

метафизическом, мифотворческом, психологическом, социальном, эстетическом.

Предлагаем вашему вниманию обзорную иллюстрацию темы маски в творчестве русских поэтов XIX-XX вв. Интернет-источники предоставляют около 300 поэтических произведений, в которых упоминаются маска и маскарад. Остановимся лишь на некоторых, с нашей точки зрения, самых известных и показательных литературных произведениях, начиная с русских классиков.

Русская поэзия XIX века это, прежде всего, А.С. Пушкин и, конечно, его знаменитый роман в стихах *Евгений Онегин*. Несмотря на то, что слово «маска» появляется в нем всего лишь один раз, очевидно, что главный герой романа носит разные маски на протяжении всего произведения. Уже в самом начале романа, ухаживая за больным дядей, он сетует на то, что ему приходится лицемерить, надев маску заботливого племянника, любящего дядюшку, «печально поднося лекарство», но при этом вынужденного «вздыхать и думать про себя:/ «Когда же черт возьмет тебя?». Дальнейшие личностные характеристики связаны с использованием Онегиным разных масок, которыми он то прикрывается, то защищается, и с легкостью меняет их, ища своей выгоды. «Как рано мог он лицемерить,/ Таить надежду, ревновать,/ Разуверять, заставить верить,/ Казаться мрачным, изнывать,/ Являться гордым и послушным,/ Внимательным иль равнодушным». В VIII главе светское общество, озабоченное его новым появлением, задается вопросом:

Все тот же ль он иль усмирился?
Иль корчит также чудака?
Скажите: чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной?

Искренен Онегин лишь с Татьяной, которая смогла понять его, только изучив круг чтения «того, по ком она вздыхать/ Осуждена судьбою властной», по «отметкам резких ногтей» на полях книг. Сама Татьяна, отлично понимающая

«постылой жизни мишуру», признается: «Сейчас отдать я рада/ Всю эту **ветошь маскарада**, Весь этот блеск, и шум, и чад/ За полку книг, за дикий сад,/ За наше бедное жилище,/ За те места, где в первый раз,/ Онегин, видела я вас».

Образ маски – один из ключевых в поэзии М.Ю. Лермонтова. С помощью этого образа выражается то несоответствие между блестящей формой и ничтожным содержанием, которое так поражало поэта в светском обществе. В стихотворении *Как луч зари, как розы Леля...* он пишет:

Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

В стихотворении *Как часто, нестрою толпою окружен...* поэт противопоставляет гармоничный мир природы, кото-

Образ маски – один из ключевых в поэзии М.Ю. Лермонтова. С помощью этого образа выражается то несоответствие между блестящей формой и ничтожным содержанием, которое так поражало поэта в светском обществе.	рый окружал его в детстве и куда он устремляется в мечтах, блеску и суете света, в котором «при диком шепоте затверженных речей/ Мелькают образы бездушные людей,/ Приличьем стянутые маски». Многие из нас, вероятно, помнят школьные «литературные анализы» этого стихотворения, непременно связанные с критикой лживого светского общества...

В другом стихотворении, используя мотив маски, Лермонтов создает противоречивый образ своей возлюбленной:

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой, отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбались лукавые уста.

В драме *Маскарад*, спрятавшаяся за маской такая же «лукавая дама» стала невольной виновницей разыгравшейся

трагедии ошибок и гибели невинной Нины, убитой своим мужем – Арбениным.

Если Пушкин и Лермонтов придавали образу маски «гражданственное, обличительно-пророческое звучание», то в лирике Серебряного века выразилось стремление рассматривать лицо человека как маску, скрывающую истинную суть. Эта тенденция характерна для поэзии начала века, воспринимающей действительность как обман. «Маска стала навязчивой темой быта и литературы авангарда», указывает критик К.Г. Юсупов в своей работе *Философия и литература Серебряного века*. Отождествление лица и маски могло происходить из желания скрыть свою греховную сущность. Маска, с другой стороны, не всегда обозначала обман, а, напротив, показывала истинную суть человека. Именно такое значение маски можно найти в поэзии Валерия Брюсова, который поставил эпиграф из стихотворения Федора Соллогуба *Я лицо укрыв бы в маске* к целому разделу «В маске» сборника *Семь цветов радуги*. Брюсов понимает маску не как приспособление к миру, отказ от себя, а как обретение подлинного «Я».

Понятие лица, как выражение человеческой, сути сохраняется в поэзии Гиппиус, Ахматовой, Цветаевой, Есенина. И все же в поэзии Серебряного века доминантой оказывается «игра масками и подмостками», если воспользоваться выражением Блока. О маске вместо лица пишут, как о чем-то обыденном. «Это нечто вроде сюртука, без которого невозможно появление в обществе», пишет филолог Н.В. Мокина. Она же упоминает и о том, что Ницше отождествлял лицо и маску. Еще у пророка и основателя зороастризма Заратустры можно найти такое высказывание: «Поистине, люди нынешнего, вам не придумать себе лучшей маски, чем ваше собственное лицо». Русский символист Марк Волошин считал, что маска на лице не может быть причиной отрицательного отношения к человеку. «Маска», писал он, «составляет необходимое условие лица. Маска – это как бы духовная одежда лица. Лицо не может встать из глубин духа, пока оно не обладает средствами самозащиты».

В культуре начала XX века, которая формировала Николая Гумилева, еще одного яркого русского поэта Серебряного века, создателя школы акмеизма, прозаика, переводчика и литературного критика, образ и символ маски занимает одно из

центральных мест. Каждый, кто был знаком с Н. Гумилевым, видел перед собой неординарную личность, энергичного человека, считал его невероятно самоуверенным, бесцеремонным. Безусловно, все это было

Если Пушкин и Лермонтов придавали образу маски «гражданственное, обличительно-пророческое звучание», то в лирике Серебряного века выразилось стремление рассматривать лицо человека как маску, скрывающую истинную суть. Эта тенденция характерна для поэзии начала века, воспринимающей действительность как обман.	деланным, искусственным. Это была маска, которой пользовался Гумилев в обществе. Он выдумал себя настолько всерьез, что его маска для большинства его знавших стала его живым лицом. Это были маски воина, путешественника, героя, поэта, которые сообщали ему олимпийское величие. Только немногие близкие друзья знали другого Гумилева – не героя и не африканского охотника. Вот несколько строк из его стихотворения <i>Маскарад</i>:

В глухих коридорах и в залах пустынных
 Сегодня собрались веселые маски,
 Сегодня в увитых цветами гостинных
 Прошли ураганом безумные пляски. [...]
 Молил я подругу: «Сними эту маску,
 Ужели во мне не узнала ты брата?
 Ты так мне напомнила древнюю сказку,
 Которую раз я услышал когда-то».

У Владимира Шершеневича, русского поэта Серебряного века, переводчика, одного из основателей и главных теоретиков (вместе с Мариенгофом и Есениным) имажинизма (литературного направления в русской поэзии XX века, представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа), есть любопытное стихотворение, написанное в 1910 году, которое так и называется – *Маски*:

Маски повсюду, веселые маски,
 Хитро глядят из прорезов глаза;
 Где я? В старинной, чарующей сказке?
 Но отчего покатила слеза?

Глупые маски, веселые маски,
 Манит, зовет меня ваш хоровод.

Вот промелькнули влюбленные глазки;
Странные маски, куда вас влечет?

У Александра Блока есть целый цикл стихов «Снежная маска». В стихотворении 1907 года *Смятение* появляется женский образ, скрытый под маской – таинственная, загадочная Незнакомка:

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой? [...]
Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

Контраст между светом и тьмой, между белым и черным воплощается с помощью масок в стихотворении А. Блока *Сквозь винный хрусталь*:

В длинной сказке	В темной маске
Тайно кроясь,	Прорезь
Бьет условный час.	Ярких глаз.

То же противопоставление в стихотворении *Здесь и там*:

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Как и другие символисты, Блок считал, что поэт своим творчеством создает свой прекрасный мир, противостоящий прозаической действительности, в которой есть пошлость, зло и обман. В стихотворении он пишет он *В углу дивана*:

Я – какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

Иначе трактует тему маски и маскарада Анна Ахматова – русская поэтесса Серебряного века, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века. Словно вдохновившись изысканными

работами художников А. Бенуа и К. Сомова, изображавших утонченных маркизов и галантных кавалеров, поэтесса создает свою ироническую стилизацию – стихотворение *Маскарад в парке*:

...И томно под маской бледнела
От жгучих предчувствий любви. [...]
И бледный, с букетом азалий,
Их смехом встречает Пьеро:
«Мой принц! О, не вы ли сломали
На шляпе маркизы перо?»

В *Поэме без героя* (1940-1962), вспоминая обстановку своей «тогдашней жизни», А. Ахматова пишет:

Вы ошиблись: Венеция дождей –
Это рядом... Но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить...

В авторской ремарке к первой части поэмы *Девятьсот тринадцатый год* указывается: «Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору, вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление – „Гость из Будущего”. Маскарад». Ряженых много – от Петрушки («До смешного близка развязка;/ Из-за ширмы Петрушкина маска») до самого Владыки Мрака:

Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?
Маска это, череп, лицо ли –
Выражение скорбной боли,
Что лишь Гойя сумел передать.

Все происходящее представляется какой-то дьявольской фантазмагорией, рождающей образы обреченного на гибель мира:

Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна и длится, длится –
Петербургская чертовня...
В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,

Но беспечна, пряна, бесстыдна
 Маскарадная болтовня...

Смерть героя («драгунского Пьеро») воспринимается как некое очищение, избавление от зла и порочности окружающего:

А за ней в шинели и в каске
 Ты, вошедший сюда без маски,
 Ты, Иванушка древней сказки,
 Что тебя сегодня томит?
 Сколько горечи в каждом слове,
 Сколько мрака в твоей любви,
 И зачем эта струйка крови
 Берedit лепесток ланит?

Лишь этот персонаж, являющийся без маски, олицетворяет искреннее чувство. Его появление на маскараде становится торжеством любви над смертью.

Главным героем в поэме Ахматовой является судьба, ее неотвратимость, которая предстает в страшном, дьявольском образе Железной Маски. От поэтессы потребовалось нечеловеческое мужество, чтобы вместе со своим народом перенести все испытания рока. Она имела право сказать о себе: «Что мне поступь Железной Маски,/ Я еще пожелезней тех...»

Анна Ахматова, обращаясь к образу маски, сохранила и развила, в соответствии с духом времени и своей поэзии, то гражданственное, обличительно-пророческое звучание, которым наделил этот образ Лермонтов.

Гениальное стихотворение Владимира Высоцкого *Маски* перекликается со стихотворением Лермонтова *Как часто пестрою толпою окружен...* Также, как и лирический герой Лермонтова, поэт находится на маскараде, в кругу людей-масок, и как бы «над толпой»:

Петарды, конфетти... Но все не так, –
 И маски на меня глядят с укором, –
 Они кричат, что я опять – не в такт,
 Что наступаю на ногу партнерам.

Стихотворение написано в 1971 году, во времена, которые теперь называются «застойными». Интересно, что в этом стихотворении есть перекличка и с лермонтовским *Маскарадом*,

где, будучи на балу вместе с Арбениным, князь Звездич также говорит: «Все маски глупые». Название текста символично: «масками» прикрываются извечные пороки общества – ложь и лицемерие:

Все в масках, в париках – все как один, –
 Кто – сказочен, а кто – литературен...
 Сосед мой слева – грустный арлекин,
 Другой – палач, а каждый третий – дурень.

Схваченный и вовлеченный в пляску, так как его «нормальное лицо,/ Все, вероятно, приняли за маску», герой оказался в хороводе вместе со всеми, но ему «неспокойно с ними:/ А вдруг кому-то маска палача/ Понравится – и он ее не снимет?». Поэт размышляет: «Что делать мне – бежать, да поскорей?! А может, вместе с ними веселиться?...». И хотя все же у него есть надежда, что «под масками зверей/ Бывают человеческие лица», но также и опасения, что люди будут «не в силах отличить/ Свое лицо от непрременной маски». И все-таки герой Высоцкого верит в людей, он боится «доброе лица не прозевать» и не угадать наверняка честных. Это непросто, потому что «все научились маски надевать,/ Чтоб не разбить свое лицо о камни». Замечательно окончание стихотворения, проникнутое человеколюбием и оправданием масок защитой от возможных ударов:

Я в тайну масок все-таки проник,
 Уверен я, что мой анализ точен,
 Что маски равнодушья у иных –
 Защита от плевков и от пощечин.

Маска скрывает человека от других не для того, чтобы его обособить, но сделать равным другим. Его анонимность позволяет ему вести себя как заблагорассудится. Отнюдь не всегда маска вызывает страх. Она может символизировать и всеобщее веселье, карнавальная смех, отпускающий на свободу каждого участника праздника.

В финальных строчках стихотворения Юрия Левитанского *Диалог у новогодней елки*, написанном в 1970 году, воплощенном в музыке Сергеем Никитиным, и прозвучавшем в знаменитом кинофильме *Ирония судьбы*, появляется «мотив карнавала, создающего новогоднее настроение».

«Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, к которому все причастны... Атмосфера карнавальности, воссоздаваемая в *Диалоге...*, и делает узнаваемым сам Новый год – праздник, где мотив вечного возвращения модифицируется мотивом кругового движения масок вокруг елки», отмечает филолог Ирина Кадочникова. Карнавальные маски здесь не только символ круговорота года, но и бесконечности жизни:

Месяц – серебряный шар со свечою внутри,
И карнавальные маски – по кругу, по кругу,
Вальс начинается, дайте ж, сударыня, руку,
И – раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Свободу маска дает лишь вместе с весельем. В остальных случаях она внешне сковывает человека, но может оставлять ему свободу внутреннюю. Таким образом, значения концепта маски крайне противоречивы.

Тема маски в литературе практически неисчерпаема, а избранная тема круглого стола «Текст как маска» достойна самого серьезного исследования. Огромное множество научных работ, солидных филологических изысканий на тему маски в художественной литературе представлены на сайте научной электронной библиотеки

КиберЛенинка. В данном обзоре некоторые из них цитируются. Эту тему не исчерпать в рамках одного круглого стола. Надеюсь, что мы еще не раз сможем вернуться к ее обсуждению, причем, вне зависимости от пандемической ситуации.

Литература:

1. ДОЛГУШЕВ, В.Г. *Образ маски в поэзии М. Лермонтова, А. Блока и А. Ахматовой* [online] [citat 10.11.2020]. Disponibil: <http://ahmatova.niv.ru/2020/10/11/dolgushev-obraz-mas-ki-v-poezii-lermontova-bloka-i-ahmatovoj.htm/>
2. ИВАНОВ, В. *Маска как элемент культуры* [online] [citat 10.11.2020]. Disponibil: http://ec-dejavu.ru/m-2/Mask_Ivanov.html

Маска скрывает человека от других не для того, чтобы его обособить, но сделать равным другим. Его анонимность позволяет ему вести себя как заблагорассудится. Отнюдь не всегда маска вызывает страх. Она может символизировать и всеобщее веселье, карнавальный смех, отпускающий на свободу каждого участника праздника.

3. КАДОЧНИКОВА, И.С. *Миф о вечном возвращении в лирике Ю. Левитанского* [online] [citat 10.11.2020]. Disponibil: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2008_2_16.pdf.
4. *Маска и лицо в поэзии Н. Гумилева* [online] [citat 10.11.2020]. Disponibil: https://studbooks.net/762860/literatura/maska_litso_poezii_gumilyova
5. Мокина, Н.В. *Проблема маски в лирике и прозе Серебряного века* [online] [citat 10.11.2020]. Disponibil: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-maski-v-lirike-i-proze-serebryanogo-veka/viewer>
6. Юсупов, К.Г. *Философия и сближения Серебряного века (сближения и перекрестки)*. In: *Русская литература рубежа веков (1890 – начало 20-х)*. Кн. 1 [online]. Москва, 2000. [citat 10.11.2020]. Disponibil : http://biblio.imli.ru/images/abook/russ-literatura/Russkaya_literatura_rubezha_vekov_1890-e_nachalo_1920-h_godov_Tom_1._2001.pdf